

УДК 550.4:001

В. Вилков, канд. филос. наук, доц.,
А. Погорилый, канд. филос. наук, доц.
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Киев

"ИДЕЯ ЕДИНСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА" КОНЦЕПЦИИ НООСФЕРОГЕНЕЗА В.И. ВЕРНАДСКОГО В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА XX ВЕКА

В статье представлен анализ основных эпистемологических, философских и политико-идеологических предписаний интерпретации В. Вернадским идеи единства человечества.

Если рассматривать взгляды В.И. Вернадского в контексте идейной и политико-идеологической атмосферы советской эпохи, то следует отметить, что его работы, имевшие философское значение, в массе своей либо аполитичны, либо даже идеологически оппозиционны. В главном – они дистанцированы от идеологически-классового толкования морали и научного мировоззрения (отождествленного с коммунистическим, "ядром которого" была признана марксистско-ленинская философия), далеки от общепринятого в то время подхода в интерпретации философских проблем естествознания, по ряду базовых постулатов альтернативны догматам социальной философии, господствовавшим в СССР в качестве метанаррации.

В советских изданиях и переизданиях работ В.И. Вернадского оценок упомянутой специфики нередко избегали. Изредка его мягко критиковали за противопоставление науки и философии. Но зачастую, в различных комментариях, предисловиях и послесловиях, их авторы активно дополняли или привязывали высказывания, идеи и проектные выводы естествоиспытателя о прошлом и настоящем научной мысли, насущных проблемах бытия человечества, перспективах его будущего, во-первых, к цитатам из трудов классиков марксизма. Во-вторых, как правило, истолковывали их в рамках научно-методологической или экологической проблематики, в контексте обоснования (теоретической иллюстрации) неоспоримых преимуществ социалистического строя в разумном и гуманном освоении природы перед хищническим и варварским капиталистическим/империалистическим ее использованием. Посредством чего, собственно, и делали (текстуально "выкраивали") из "великого натуралиста" диалектического материалиста, а его концепцию и взгляды позиционировали как дальнейшее развитие марксистско-ленинской научной мысли в ее непримиримой борьбе против субъективного идеализма и вульгарного/механистического материализма (например, взгляды А.М. Деборина). При этом некоторые и очень принципиальные идеи модели тотальности "биогеохимической" и "геологической обусловленности генезиса научной мысли" как первопричины развития человечества и хода всемирной истории, которые явно противоречили аксиоматике марксизма и партийно-государственной идеологии, исключались из публикаций его работ в СССР.¹

Следует также отметить, что работы В.И. Вернадского имеют свой понятийно-терминологический аппарат. Они грешат излишним повторением главных постулатов, а также смысловым усилением в обосновании лексической конструкцией, подчеркивающей жесткую линейную детерминацию процессов генезиса человечества – так называемую "принудительную каузальность", свойственную классической научной рациональности – и представленную такой формой констатации, как "рано или

поздно", "так или иначе". Тогда как безмерный, как и у физиолога В.И. Павлова, пиетет ученого в оценке роли естественнонаучного знания, объективной потребности его глобального развития, предстал противоположностью четкой антисциентистской мировоззренческой и общественной позиции известного философа, гуманиста и неординарного ученого П.А. Флоренского, объявившего в 20-х, что "научное знание – труха".

Можно признать, что одной из системообразующих эпистемологических установок В.И. Вернадского (в специфике которой, особенно в работах начала минувшего века, просматривается веяние времени популярности неокантианства, в частности, влияние баденской школы) является теоретико-методологическое сопоставление, а зачастую и резкое противопоставление, "философского миропредставления" ("философских конструкций", ассоциируемых в основном с натурфилософскими учениями, знанием о "культуре", мировоззренческими концептами) – естествознанию. Согласно представлению ученого, атрибутивные черты философского отображения мира – это особый спектр и способ видения реалий, абсолютизация предписаний аристотелевской логики, аксиологичность, "спекулятивность", неспособность выйти за пределы смыслов "понятий-слов", претензия на "абсолютную истину", при ее недоказуемости. В отличие от него, "научную мысль", "точную науку", "науки о природе" характеризуют: исключительный сциентизм (познание без обращения к "идеям добра и зла"), непосредственно фиксируемая реальность объекта исследования, развитая методология и инструментарий познания, "понятия-предметы", "научный аппарат фактов", системы "классификаций" и "эмпирических обобщений", математизация, объективность ("общеобязательность научных истин для всякой личности"), "точные логические выводы". Но при этом в итоге, в интерпретации натуралиста, научное знание, предназначенное только для поиска истины, а не для апологии/критики ценностей, всегда конкретно-исторично, продуцирует не абсолютные, а "относительные утверждения". Помимо этого, наука "интернациональна", "едина и одинакова для всех времен, социальных сред и государственных образований". И, наоборот, философий, предлагающих ответ на вопрос о "цели и смысле жизни" человеческого существования, было и может быть много. Таким образом, в своей сути размежевание философии и науки как несопоставимых проявлений индивидуальных или социально-групповых представлений, в одном случае, и "царства разума единого человечества", в другом, – это разграничение двух идейных и мыслительных практик. Первая из них оценивается и понимается естествоиспытателем как четко логически выстроенная метафизика "отвлеченных понятий", "идеологические построения", а также "интуитивизм и иллюзорность", ценностно ориентированный субъективизм и всевозможная социальная ангажированность ("проявление личности", конфессиональная, классовая или национальная предвзятость) в выборе аргументации, обосновании выводов, опреде-

¹ Те важные фрагменты текста, которые исключены из изданий указанного периода, например, публикации "Размышления натуралиста" кн. II Научная мысль как планетарное явление" (1977 г.) цитируются по электронному ресурсу и выделены жирным шрифтом. Страницы электронного варианта работы обозначены при цитировании латинской "р".

лении предписаний деятельности. Вторая же (хотя, по утверждению ученого, и "лишенная логической стройности") расценивается как научно-теоретическое и практически-преобразующее мышление, определяющее сущность всякого человеческого бытия и первооснов его жизнедеятельности. В таком контексте расширительного понимания науки как синонима разума ее генезис представляется собой, в оценках ученого, "историю создания в биосфере геологической силы – научной мысли". "Она не случайна, – пишет В.И. Вернадский, – как всякое природное явление, она закономерна, как закономерен в ходе времени палеонтологический процесс, создавший мозг *Homo sapiens* и ту социальную среду, в которой как ее следствие, как связанный с нею природный процесс создается научная мысль, новая геологическая сознательно направляемая сила" [3, с. 38, 60-63, 69-70, 77, 85, 114, 22; 4, р. 9].

В рамках модели ноосферогенеза идея "научного единства человечества" [3, с. 60] имеет своим закономерным следствием то, что естествознанию, в отличие от философского или же религиозного осмысления мира, отводится главенствующая роль. И хотя В.И. Вернадский и признается, что две "эти области человеческого сознания находились и находятся в теснейшем взаимодействии друг с другом", а в "Научной мысли" (в основном, написана в 1937–1938 гг.) даже констатируется, что наука от философии "неотделима и не может развиваться в ее отсутствие". Тем не менее, особенно в начале XX века, им подчеркивалось, что, если "всмотреться в исторический ход развития мысли, то можно заметить, что все новые крупные открытия или научные обобщения – рано ли, поздно ли – находят свое отражение и переработку в философской мысли; и, в случае, если они стоят уже *вне пределов* уже существующих философских систем, способствуют созданию новых. ... В этом смысле научная деятельность до известной степени предшествует философской работе". А "научные обобщения и открытия" "после своего установления в умах" людей становятся "объектами философского мышления, меняют содержание, доступное философии", "проявляются в генезисе ее систем и понятий", объективно стимулируют "проявления философского гения", "новые созидания философской мысли и новые философские течения" [2, с. 180-181]. Впрочем, можно отметить, что имплицитно идея "суверенитета" "всеобщего" или "планетарного" проявления человеческой мысли ("научных исканий", "научной работы") по отношению к частному или иллюзорному проявлению духа и организации жизни сообществ отстаивалась В.И. Вернадским и в советский период. Например, в той же "Научной мысли", где одной из фундаментальных предпосылок перехода биосферы в ноосферу он объявляет "свободу научного искания", "освобождение его от **религиозных, философских или социальных пут**" [4, р. 10].

Первостепенный интерес русского ученого и советского организатора науки к ее истории, которую он измеряет, в отличие, например, от Т. Куна, не 3-4-мя сотнями лет, а, как минимум, несколькими десятками тысяч (поскольку человек, пишет он, "выработал в социальной среде научную мысль" 10-20 тыс. лет назад [3, с. 23-24]), не случаен. Ибо феномен "истории науки" как "одной из жизненно важнейших научных дисциплин человечества" – не только сциентистское кредо, естествоисторический импульс и системообразующая первопричина в его модели генезиса "биосферы", но и единственный путь ее познания. В дальнейшем – осознанного созидания ноосферы. И пусть "история научного знания еще не написана", признает В.И. Вернадский,

однако: "История научного знания есть история создания в биосфере нового основного геологического фактора – ее организованности, выявившейся стихийно в последние тысячелетия". Более того: "Биосфера XX столетия превращается в ноосферу, создаваемую прежде всего ростом науки, научного понимания и основанного на ней социального труда человечества. ... Необходимо подчеркнуть неразрывную связь ее создания с ростом научной мысли, являющейся первой необходимой предпосылкой этого создания" [3, с. 31]. В самой же совокупности "наук о биосфере и ее объектах" ученый выделяет в качестве тех базовых, что оказывают "влияние на строение ноосферы", лишь "две области человеческого ума". Это "науки общие для всей реальности (физика, астрономия, химия, математика)" и "науки о Земле (биологические, геологические и гуманитарные)" [3, с. 93, 110]. В данном случае, заявленная классификацией принадлежность "гуманитарных дисциплин" вполне логична с точки зрения учения В.И. Вернадского. Поскольку, в его понимании, "новую форму энергии", которая – "все возрастающая последние 5-7 тыс. лет" – "создает ноосферу", "можно назвать энергией человеческой культуры или культурной биохимической энергией" [3, с. 108-109, 95].

По сути, научному знанию и познанию В.И. Вернадский придает онтологический, природнотелеологический статус. В его понимании они с безусловной необходимостью (без существенных исключений, сознательного влияния человеческой воли, в его терминологии – "стихийно") детерминируют не только весь масштабный "биогеохимический" генезис рода человеческого, но и ход исторического процесса, его объективную логику. Так, анализируя мироощущение "приближения варварства и крушения цивилизации", которые стали господствовать в обществе первой трети XX века, он, в качестве альтернативы таким общественным настроениям и предлагает свой универсальный закон развития человечества и хода всемирной истории. Т.е. ту формулу объективной и самой фундаментальной причинно-следственной связи, которая, вопреки любым социальным, политическим, геополитическим общественным процессам и факторам, как, впрочем, независимо от различных идеологий, определяет все человеческое бытие, порождает необратимость развития биосферы в ноосферу. "Процессы, подготавливавшие многие миллиарды лет, – утверждает естествоиспытатель, определяя сущность ноосферы, – не могут быть преходящими, не могут остановиться. Отсюда следует, что биосфера неизбежно перейдет" "в ноосферу, т.е. что в истории народов, ее населяющих, произойдут события, нужные для этого, а не этому процессу противоречащие" [3, с. 19, 33, 36]. А оценивая в конце 30-х интенсивную фашизацию ряда стран мира, а также пророчески указывая на очевидную вероятность "еще более варварской и бессмысленной бойни" – чем Первая мировая – из-за агрессивности "белой расы" и под прикрытием многовековой христианской "демократической" демагогии, ученый, полагаясь лишь на аксиоматику своей теории, оптимистично оценивает перспективы мировой истории, подчеркивает, что "страхи о возможности крушения цивилизации лишены основания". "Цивилизация "культурного человечества" – поскольку она является формой организации новой геологической силы, создавшейся в биосфере, – гласит его вывод, – *не может прерваться и уничтожиться*, так как это есть большое природное явление, отвечающее исторически, вернее геологически, сложившейся организованности биосферы" [3, с. 33].

С позиций альтернативности философии и науки В.И. Вернадский предлагает и свою достаточно критичную интерпретацию идейного наследия и общественно-политической доктрины основателей марксизма, что, кстати, представляет собой тот исключительный случай, когда он ссылается или упоминает в своих работах его основных представителей. Так, естествоиспытатель утверждает, что К. Маркс и Ф. Энгельс "не отделяли науку от философии" и в своей исторической ограниченности реалиями середины XIX века не видели "примата" первой над второй. И хотя они и "выявили глубочайшее социальное значение научной мысли, которая философски интуитивно выявлялась из предшествующих исканий "утопического социализма", тем не менее, "значение науки как основы социального переустройства в социальном строе будущего выведено Марксом не из философских представлений, но в результате научного анализа экономических явлений". Таким образом, констатирует советский ученый, "Маркс и Энгельс" "реально положили основы "научного" (не философского) социализма". И лишь так интерпретируя идейные истоки и суть марксизма, натуралист и признает: "В этом отношении то понятие ноосферы, которое вытекает из биогеохимических представлений, находится в полном созвучии с основной идеей, проникающей "научный социализм" [4, р. 11].

Анализируя идейные установки творца теории ноосферы, следует учитывать и то, что его взгляд не только на природу общественного бытия, но и на сущность человека принципиально отличается от марксистского социально-философского подхода (например, Маркса ее определения в "Тезисах о Фейербахе"). В частности, мыслитель заявляет: "Человек, как и все живое, не является самодовлеющим, независимым от окружающей среды природным объектом. ... Биогеохимик из нее исходит и стремится точно и возможно глубоко понять, выразить и установить эту функциональную зависимость. **Философы и современная философия в подавляющей мере не учитывают эту функциональную зависимость человека как природного объекта и человечества как природного явления от среды их жизни и мысли**" [4, р. 3]. В итоге, основной постулат, в общем-то, звучит как кредо пусть и осовремененного ("биогенетического"), но, тем не менее, натуралистического детерминизма и предопределенности, почти фатальности ноосферогенеза, исключающей "историческую случайность", свободу выбора и действия человека, влияние идеологий. "Поворот в истории мысли, сейчас идущий, – пишет В.И. Вернадский, – независим от воли человека и не может быть изменен ни его желанием, ни какими бы то не было проявлениями его жизни, общественными и социальными" [цит. по: 6, с. 11].

Тут также подчеркнем, что, по мнению естествоиспытателя, бесчисленные тысячелетние ценностно-ориентированные философские идеологии и религиозные представления о всемирной истории не были научными. Они не "вытекали из научных фактов", а потому с их выводами "о знании человека и значении человеческой истории" "можно не считать". И наоборот, в научной работе, т.е. исследовании с сугубо научных позиций и обобщений (геологии, биологии, археологии), следует опираться на "новый факт в истории планеты первостепенного геологического значения", который "заключается в выявлении создаваемой историческим процессом новой психозойной или антропогенной геологической эры", что в ее "сущности палеонтологически определяется появлением человека". При таком же способе рассмотрения всемирная история человечества (по сравнению с ее философским или

религиозным истолкованием) должна изменить своей масштаб. Ибо, "с геологической точки зрения", ее порядок (миллионы, а не сотни тысяч лет) существенно превосходит по своей продолжительности "исторический процесс человеческих обществ" [3, с. 27-28]. Да и вообще, согласно представлениям великого натуралиста, в социетальном, глобальном цивилизационном измерении идея прогресса человечества имеет право на существование только лишь в рамках научного знания. "В результате долгих споров о существовании прогресса, непрерывно проявляющегося в истории человечества, можно сейчас утверждать, – пишет он, негласно солидаризируясь с адептами теоретической модели цикличности существования социальных систем, например, концепцией П. Сорокина, – что **только** в истории научного знания существование прогресса в ходе времени является доказанным. **Ни в каких других областях человеческого быта, ни в государственном и экономическом строе, ни в улучшении жизни человечества – улучшении элементарных условий существования всех людей, их счастья – длительного прогресса с остановками, но без возвращения вспять, мы не замечаем. Не замечаем мы его и в области морального философского и религиозного состояния человеческих обществ**" [4, р. 6].

Фактически, для концепции перехода биосферы в ноосферу В.И. Вернадского – вопреки различным философским теоретическим моделям – аксиоматичным является убеждение в том, что история человечества как "биогенной силы" – это не история развития общественно-политических систем или культуры, особенно ее духовной составляющей. Безусловно, текстуально, такая интеллектуальная позиция представителя естествознания отстаивается и аргументируется не столь радикально. Она проводится как идея, согласно которой культурная и политическая история вторичны по отношению к естественной истории возникновения и превращения человечества в главную и разумную преобразующую силу природы, а поэтому закономерно и неизбежно подчинены ей. Так, с одной стороны, утверждает он, "человечество едино", а "процесс полного заселения биосферы человеком – обусловлен ходом истории научной мысли" и связан с прогрессом производительных (технических и особенно "транспортных") сил. В XX веке он активно стимулируется "взрывом научного творчества", интенсификацией и глобализацией информационно-коммуникационных взаимосвязей, тем самым, появлением "возможности мгновенной передачи мысли, ее одновременного обсуждения всюду на планете". С другой стороны, неизменно подчеркивает В.И. Вернадский, несмотря на иллюзии "социальных сил", которые "считаются в значительной степени свободными от среды, в которой идет история человечества", "среда эта – биосфера – имеет совершенно определенное строение, определяющее все без исключения в ней происходящее, не могущее коренным образом нарушаться идущими внутри ее процессами". Даже в том случае, когда происходит "борьба с этим основным историческим течением" глобализации научного общения и мышления, подчеркивает он, намекая, в том числе, на жесткую политику изоляционизма советских властей и заявления о "неизбежном обострении классового противостояния" (В.И. Сталин), она "заставляет и идейных противников фактически ему подчиняться. Государственные образования, идейно не признающие равенства и единства всех людей, пытаются, не стесняясь в средствах, остановить их стихийное проявление, но едва ли можно сомневаться, что эти утопические мечтания не смогут прочно осуществиться. Это неизбежно скажется с ходом времени, рано или поздно,

так как создание ноосферы из биосферы есть природное явление, **более глубокое и мощное в своей основе, чем человеческая история**" [3, с. 31, 32, 24; 4, р. 4].

Итак, В.И. Вернадский в качестве определяющего "научного обобщения" своей теоретической модели (базового смысла "идеи единства человечества", исходной "предпосылкой" ноосферогенеза) и несмотря на признание им вероятности "различного происхождения человеческих рас из разных видов рода Номо", а также крайне своеобразном словоупотреблении термина "раса", к которым причисляются не только "белая и небелая расы", но и, например, "польская" и "русская" [см.: 5; 1, с. 212], называет биологическую особость человеческого рода, его принципиальное отличие по сравнению "со всем остальным живым". "Первой (предпосылкой. – В.В.), – подчеркивает он, – *является единство и равенство по существу, в принципе, всех людей, всех рас*. Биологически это выражается в выявлении в геологическом процессе всех людей как единого целого по отношению к остальному живому населению планеты". Свой дальнейший естественный импульс в развитии, охарактеризованный ученым "бессознательным", "идея единства человечества" получила вследствие того, что в результате перехода к производственной деятельности (земледелие, скотоводство и т.п.), устранения угрозы вымирания, обретения "возможности неограниченного размножения" и планетарного расселения, а также "кровного смешения всех морфологически разных типов человека", появилась "возможность образования государственных структур". В целом, формирующееся "стихийно", еще "до его идеологического осознания" (религиозного либо философского), "единство человеческих обществ, их общение и их власть" стали реальным проявлением "новой формы власти живого организма над биосферой". Тогда как такая "новая власть", уже в роли "основного фактора", окончательно утвердилась "в геологическом эволюционном процессе создания ноосферы" [3, с. 28-29].

Если лаконично фиксировать общественно-политические симпатии В.И. Вернадского в аспекте смыслов его "идеи единства человечества", то ученого можно признать предтечей в разработке во второй половине XX века идеологием и концептов постиндустриального общества, конвергенции, научной демократии, экспертократии и т.п. В частности, он выступает не только оппонентом реального социалистического строя/режима и государственности, но и предстает убежденным сторонником такого "социального устройства", которое, согласно его верованию, будет воплощать принцип "свободы личности", обеспечит неуклонный рост "народного богатства", "полное удовлетворение основных материальных потребностей человечества", избавит его от ненужных страданий (воен, нищеты, голода, болезней и т.д.), и "при вселенскости науки" осуществит "демократизацию государственной власти". В свою очередь, такое общественно-политическое продвижение сделает одной из главных целей "государственной политики и социального строя" всемерную ресурсную поддержку развитию науки, повышению статуса ученых в общественно-политической жизни, включая их представительство во власти (как рекомендовала еще модель "идеального государства" Платона). Такой ход общественно-политической эволюции сформирует, в дополнение к "стихийному" развитию биосферы в ноосферу, совокупность социально-политических детерминант, которые обеспечат целенаправленную, сознательную, масштабную и организованную деятельность по "созданию ноосферы". Или, иными его словами, – "государственное проявление перехода биосферы в

ноосферу", а также сделает реальностью "идею **об едином государственном объединении** всего человечества" [4, р. 8, 9].

В конце концов, полагает В.И. Вернадский, благодаря начавшемуся утверждению научного понимания демократии (основанному не на социально-классовых, а, в общем-то, на абстрактно-гуманистических, понятиях) кантовской традиции "общечеловеческих ценностей") **"исторический процесс"** уже **"реально поставил идею государственного объединения всего человечества для создания и осуществления ноосферы – употребление всех государственных средств и всей мощи науки на благо всего человечества"** [4, р. 11]. Последнее, как он отмечает, требует создания "внегосударственных организованных форм мировой научной среды" ("научного братства", нового "интернационала ученых") и даже "научного мозгового центра человечества". Но прежде всего, этот этап развития цивилизации нуждается в новой морали [4, р. 8]. Ее понимание как системы ценностей, установок и преобразующего воздействия на ход истории в определенной мере сближает взгляды русского естествоиспытателя с концепцией "этического социализма" (например, неокантианцев Г. Когена, П. Наторпа, немецкого социал-демократа Э. Бернштейна), согласно которой определяющая роль в гармонизации общественной жизни человечества, независимо от социально-классовой системы, принадлежит принципам гуманистической нравственности.

Исходя из текстуального пояснения В.И. Вернадского, мораль создания ноосферы должна быть космополитичной. В таком случае ее нормы и предписания полностью совпадут с научными. И хотя "интересы науки", пишет ученый, в первой половине XX века "отступили на второе место перед велениями социального или государственного патриотизма", они все равно являются "общечеловеческими", выступая, таким образом, в качестве "максимальной силы создания ноосферы". И наоборот, **"государственная мораль единого государства, хотя бы и социалистического", "не может удовлетворить критическую свободную мысль современного ученого"**, поскольку **"побуждения свободной человеческой, осознающей окружающей, личности, глубже каких бы то ни было форм государственного строя"** [4, р. 8]. Да и вообще, моральность ученого первична по отношению к государственному строю и даже демократическому политическому режиму. Ибо: **"Преходящая форма демократического политического строя является слишком легким поверхностным явлением для построения легкой морали современного ученого, мыслящего о будущем"** [4, р. 11].

Следует также отметить, что, как и в гердеровском представлении о сути "идеи единства человечества", в понимании В.И. Вернадского человек рожден для счастья, а не для служения государству. Поэтому, провозглашает он, необходимо отвергнуть всякий "государственный или национальный патриотизм" и перейти к мировоззренческим установкам "планетарного мышления". К тому же, если "человек и в его индивидуальном и в его социальном проявлении теснейшим образом закономерно, материально-энергетически связан с биосферой" и "эта связь никогда не прерывается", т.е. согласно модели ноосферогенеза, он является продуктом развития биосферы (а отнюдь не производной от общественно-политической или культурной особости человеческих сообществ), то его существование – "есть ее функция". В силу этого, новая стадия "в истории Земли", а не только "в истории человечества", –

переход в ноосферу – требует того, что человек "и может и должен мыслить и действовать не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или их союзов, но и в планетном аспекте" [3, с. 32].

В контексте означенных выше посылов и становится вполне объяснимым, что общественно-политические процессы и системы представляют для В.И. Вернадского научную ценность, главным образом, с точки зрения их соответствия естественноисторическим. Однако, с другой стороны, такой концептуальный взгляд на развитие человечества не нивелировал его гражданской позиции и гуманистических убеждений. В этом отношении весьма показательна оценка ученым в 1944 г. характера Великой Отечественной войны: "Важно для нас еще факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере. Можно смотреть поэто-

му на наше будущее уверенно. Оно в наших руках. Мы его не выпустим" [цит. по: 6, с. 11].

Список использованной литературы

1. Вернадский В.И. Из записок по польскому вопросу / Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. – 2-е изд. – М.: Наука, 1988. – С. 211-213.
2. Вернадский В.И. Кант и естествознание / Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. – 2-е изд. – М.: Наука, 1988. – С. 178-200.
3. Вернадский В.И. Размышления натуралиста, кн II. Научная мысль как планетарное явление. – М: Издательство "Наука", 1977. – 193 с.
4. [Электронный ресурс] Вернадский В.И.. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетарное явление. – Режим доступа: <http://bookz.ru/authors/vernadskii-vladimir/mysl/page-3-11-mysl.html>
5. [Электронный ресурс] Т.Б. Ремизова. Л.Н. Гумилев и В.И. Вернадский о взаимовлиянии человека и биосферы. – Режим доступа: <http://www.levgumilev.spbu.ru/node/197>;
6. Яншин А.Л. Предисловие / Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. – 2-е изд. – М.: Наука, 1988. – С. 11.

Надійшла до редколегії 18.01.13

В. Вілков, канд. філос. наук, доц., А. Погорілий, канд. філос. наук, доц.
Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Київ

"ИДЕЯ ЕДНОСТИ ЛЮДСТВА" КОНЦЕПЦИИ НООСФЕРОГЕНЕЗУ В.И. ВЕРНАДСКОГО В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСУ XX СТОЛІТТЯ

У статті запропоновано аналіз засадничих епістемологічних, філософських та політико-ідеологічних приписів інтерпретації В.І. Вернадським ідеї єдності людства.

V. Vilkov, Cand. Sci. (Phyllos.), Assos. Prof. A. Pogorily, Cand. Sci. (Phyllos.), Assos. Prof.
Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv

"IDEA OF THE UNITY OF MANKIND" OF V. VERNADSKY'S CONCEPTION OF NOOSPHEREGENESIS IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHICAL DISCOURSE OF THE TWENTIETH CENTURY

The article presents an analysis of the main epistemological, philosophical, political and ideological commitments of the V. Vernadsky's interpretation of the "idea of the unity of mankind"